

просветляется, так как бесы от него отступают, — то в «Повести о Савве Грудцыне» нет этого. И весь эпизод с плачущим старцем, — который, между прочим, появляется на торговой площади, а не у церкви, как это следовало бы по традиции, — только подчеркивает нарастающий драматизм положения героя. Вот примеры отношения повести к традиционным мотивам и сюжетам. В результате этого «Повесть о Савве Грудцыне» представляет собою стройное и цельное в композиционном отношении произведение.

Даже детали поэтической речи повести отражают в себе эту цельность, единство и социальную определенность идеологии ее автора. Так, напр., исключительно интересной становится «конная площадь» повести, на которой «обитает» названный брат Саввы — бес «ради конных покупок». Здесь бытовым покровом прикрыт античный ипподром, который населяла бесами нуританская фантазия христиан первых веков новой эры. В плане бытовой реалистической купеческой повести ипподром трансформируется в конную площадь торгового города. Или другой пример. В образах слуг сатаны, населяющих ад, повесть изображает не кого иного, как злейших конкурентов представителей крупного торгового капитала на внутреннем рынке Московского государства в XVII в. — восточных купцов — индийцев, персов и др., точно переключаясь с известными челобитьями московских торговых людей о высылке иноземцев 1627, 1642, 1646 и 1649 гг., неизменно повторяющих мольбу: «А Клызыльбашские и Бухарские тезники дале Астрахани и Казани вверхъ въ вашу государеву вотчину тако жъ не ѣздилі, чтобъ впредь вашимъ государскимъ промысломъ порухи не было, а мы, холопи и сироты ваші, бес промыслов не былі».¹

Совершенно ясно, далее, почему «Повесть о Савве Грудцыне» так непохожа не только на переводный западноевропейский роман, что в свое время отмечал акад. А. Н. Веселовский, но и на ближе стоящую к ней переводную западноевропейскую легенду, посвященную культу девы Марии. «Повесть о Савве Грудцыне» возникла в той социальной среде, которой были чужды новые литературные веяния последней трети XVII в. Мы знаем, что проводниками этих веяний были в Московской Руси западно- и южно-русские ученые и литераторы и что легче всего новое литературное направление воспринималось самым царским двором и близко к нему стоящим дворянством. Купеческая же среда в этом отношении была значительно консервативнее. Недаром «Великое Зерцало» переводится по желанию

¹ Цитирую по статье П. Смирнова «Новое челобитье Московских торговых людей о высылке иноземцев, 1627 года». См. «Чтения в историч. обществе Нестора Летописца», Киев, 1912 г., кн. 23, вып. I, ч. II, стр. 30.